

В.В. Орехов

МИФ О РАЗРУШЕНИИ ХЕРСОНЕСА: ЭПИЗОД ЛИТЕРАТУРНОГО ОСВОЕНИЯ КРЫМА

Выявляется «исходный текст» литературного мифа о разрушении в конце XVIII в. Херсонеса Таврического ради возведения Севастополя. Исследуются исторические факты и причины, породившие этот миф. Прослеживаются история бытования мифа о разрушении Херсонеса в научном дискурсе конца XVIII – начала XIX в., «миграция» мифа в сферу литературы, где под воздействием общелитературных тенденций и внелитературных факторов он претерпел заметные функциональные трансформации. Ключевые слова: литература путешествий, миф, имагология, крымский текст, античность.

В русской и европейской путевой литературе XIX в. (П.И. Сумароков, В.Б. Броневский, И.М. Муравьев-Апостол, Э.Д. Кларк, Ф. Дюбуа де Монпере, К. Омер де Гелль и др.) на правах общеизвестной истины бытовала легенда о том, что древний Херсонес был разрушен ради добычи строительных материалов, необходимых для возведения Севастополя. С литературной афористичностью этот исторический «факт» был выражен швейцарским путешественником Ф. Дюбуа де Монпере: «Первый день Севастополя стал последним днем Херсонеса» [1. Р. 155].

Цель настоящей статьи – проследить историю и выяснить природу этой литературной версии событий.

Первоисточник текста о разрушении Херсонеса обнаруживается довольно просто, поскольку многие авторы либо ссылаются на П.С. Палласа, либо цитируют (пересказывают) его текст. Как известно, П.С. Паллас в 1793–1794 гг. совершил путешествие по Крыму. Вскоре он поселился на полуострове, продолжив его изучение. Результатом крымских исследований стал второй том «Наблюдений, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах», вышедший в Лейпциге в

1801 г. на немецком и французском языках. Здесь находим заключение о плачевном состоянии херсонесских руин: «При занятии Крыма еще были видны большей частью его стены, построенные из прекрасного штучного камня; красивые городские ворота и значительная часть двух больших башен, из коих одна – у самой бухты, виденная мною в 1794 году – еще в нарядном виде; но построение города Ахтиара (Севастополя. – *В.О.*) закончило разорение этого древнего города. Прекрасный штучный камень выбрали даже из фундаментов для постройки домов, не озаботившись или не полюбоствавав сделать план города или нарисовать хотя бы его набросок; по крайней мере, мне о том ничего не известно» [2. С. 47].

Труд П.С. Палласа стал для европейской и российской науки исходным текстом о Крыме. В 1818 г. точка зрения П.С. Палласа была подкреплена авторитетом Н.М. Карамзина, когда перед читателем предстала «История государства Российского». Н.М. Карамзин, рассказывая о походе князя Владимира к Херсонесу, сообщал со ссылкой на Палласа: «В то время как наши войска заняли Крым, многие стены (Херсона) были совершенно целы, вместе с прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь они уже не существуют: из них брали камни для строения домов в Севастополе» [3. С. 452]. С тех пор эта версия событий стала «общим местом» и научных, и литературных текстов о Херсонесе. Всякий путешественник XIX в. посещал древнее городище с уже готовым «знанием» о том, что остатки Херсонеса были разобраны ради возведения Севастополя. Так, И.М. Муравьев-Апостол в известном «Путешествии по Тавриде в 1820 году» писал, что «из стен и башен Херсона строили хуторы и казармы севастопольские» [4. С. 361]. Авторы могли расходиться во мнении, целиком [5. Р. 74] или частично [6. С. 234; 7. С. 23] выстроен Севастополь из остатков Херсонеса, но сам факт разграбления древностей ради строительства нового города сомнений не вызывал.

И впервые эта позиция была подвергнута сомнению на исходе XIX столетия. В 1893 г. известный исследователь херсонесских древностей А.Л. Бертье-Делагард опубликовал в «Материалах по археологии России» «Опровержение известий иностранных писателей о разрушении русскими развалин Херсонеса» [8], где привел ряд соображений, свидетельствующих о том, что урон, нанесенный основа-

телями Севастополя Херсонесу, в путевой литературе значительно преувеличивается. В среде историков истинный масштаб этого урона и сегодня вызывает споры (упомянем хотя бы дискуссию между А.И. Романчук и А.В. Шаманаевым [9, 10]). Не беремся ставить в этом вопросе окончательную точку, однако постараемся проследить историю его литературной мифологизации, что потребует небольшого экскурса в историю литературного и научного освоения Херсонеса.

Прежде всего, обратимся к частному замечанию П.С. Палласа, которое с позиций сегодняшних знаний однозначно должно быть признано ошибочным. Речь идет о мнении ученого, что основатели Севастополя разрушали стены Херсонеса, будто бы «не озаботившись или не полубопытствовав сделать план города или нарисовать хотя бы его набросок» [2. С. 47]. Позднейшие архивные исследования показали, что картографирование Херсонеса было начато еще до основания Севастополя и до присоединения Крыма [11. С. 7; 12. С. 480–487]. Так, в 1778 г. по повелению Г.А. Потемкина был подготовлен рисунок «Развалины Херсонеса, древнего в Крыме города», на котором были запечатлены «городовые ворота» и «развалившиеся башни и бугры на местах рассыпавшихся башен». Еще более яркий пример – карта Гераклеяского полуострова, созданная в 1786 г. под руководством коллеги и друга Палласа – К.И. Габлица, который в 1787 г. лично представил эту карту Екатерине II во время ее крымского вояжа [13. С. 156]. Кстати, скажем, что эта карта и сегодня сохраняет актуальность для археологии, поскольку запечатлела Херсонесскую хору в нетронутном виде [14. С. 206]. Очевидно, что в данном случае ошибка Палласа была невольной и объяснялась отсутствием у него доступа к упомянутым картографическим материалам. Однако это все же побуждает критически рассмотреть и весь пассаж о разрушении Херсонеса.

Начать следует с того, в каком состоянии были руины Херсонеса к моменту основания Севастополя. Общеизвестно, что в конце XIV в. Херсонес был разрушен ордынцами до основания. Судьба херсонесских руин редко запечатлевалась в литературных памятниках, но в 1578 г. красноречивое свидетельство о городище оставил польский посланник к крымскому хану Мартин Броневский: «Этот город <...> много веков стоит пуст и необитаем и представляет одне развалины и опустошение. Еще и тепер видны стены и башни, со-

хранившиеся от разрушения, в постройке которых видно удивительное искусство и роскошь. <...> Но прекрасные колонны из мрамора и серпентина, которых места и теперь еще внутри видны, и огромные камни были взяты турками и перевезены через море для их собственных домов и публичных зданий. Оттого город пришел еще в большее разрушение; не видно даже и следов ни храмов, ни зданий. Дома города лежат во прахе и сравнены с землею» [15. С. 342].

Стало быть, Херсонес был совершенно необитаем и разграблен уже за два столетия до прихода русских. Причем на городище все это время продолжал воздействовать антропогенный фактор, поскольку, как пишет знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666 г., «в зимние времена в эти развалины крепости загоняют много сот тысяч овец крымских благородных людей» [16. С. 71]. Очевидно, что содержание стад требовало возведения загонов и зимних жилищ, что можно было осуществить только за счет остатков разрушенных херсонесских домов. Иными словами, к моменту основания Севастополя руины Херсонеса пережили несколько столетий постепенной деградации, что, впрочем, не исключает, что в нем еще оставались материалы, пригодные для строительства.

Русская эскадра начала обустраиваться на берегу Ахтиарской (Севастопольской) бухты весной 1783 г. Этим руководил начальник штаба, будущий знаменитый флотоводец Д.Н. Сенявин, который засвидетельствовал в своих записках: «Адмирал (Мекензи. – *В.О.*) заложил 3 числа июня месяца четыре здания. Первое – часовню. Другой дом – для себя; третье – пристань очень хорошую; четвертое – кузницу в адмиралтействе. Здания эти все каменные, приведены к концу весьма скоро и почти невероятно» [17. С. 25].

Спешность строительства объяснялась просто. Адмирал Ф.Ф. Мекензи доносил в морское министерство, что для строительства брали штучный камень из развалин Херсонеса и лодками подвозили его в Севастопольскую бухту [18. С. 78]. Именно это донесение Мекензи является единственным документальным доказательством того, что для строительства Севастополя использовали развалины древнего городища. Однако акцентируем внимание, что речь шла о строительстве лишь четырех объектов: часовни, кузницы, пристани и дома адмирала Мекензи. Самым масштабным строением

был адмиральский дом, который по традиции в Севастополе называли дворцом, но размеры которого были весьма скромными. В начале 1830-х гг. автор первого путеводителя по Крыму Ш. Монтандон с недоумением сообщал, что этот «невзрачный дом» [19. С. 154] носит столь громкое имя. Недоумение объяснимо, поскольку дом Мекензи был «небольшим, одноэтажным, с семью окнами по фасаду» [20. С. 12].

Дальнейший ход событий говорит о том, что добыча камня в Херсонесе быстро теряла смысл. Д.Н. Сенявин сообщал, что адмирал Мекензи почти сразу после прибытия в Севастополь обзавелся дачей, где начал «извезть жечь, кирпичи делать» благодаря чему купил дачу «в одно лето» [21. С. 123]. Более того, около 1785 г. Мекензи начал разработку строительного известняка в знаменитых Инкерманских каменоломнях [22. С. 108–109]. Причем следует заметить, что инкерманский камень имел несомненные преимущества перед херсонесским: был стандартного размера и доставлялся по спокойной Севастопольской бухте, а не по открытому морю. Словом, промышленная добыча камня в Херсонесе была экономически нецелесообразна.

Тогда остается вопрос, что же заставило П.С. Палласа преувеличить ущерб, нанесенный херсонесским руинам основателями Севастополя?

Думается, тому было две основные причины. Первая заключалась в разочаровании, которое постигло всех, кто старался обнаружить в Крыму античные памятники. Античность была идеологическим «маяком» той поры, притягательным образом, на который ориентировались художники, литераторы, ученые и политики. Приобретенный полуостров воспринимался как «вариант “своей” античности» [23. С. 104]. Поэтому именно античность закреплялась в новых крымских топонимах, античные артефакты искали в курганах и среди руин первые путешественники по полуострову. И Херсонес в этом отношении виделся крымским средоточием культуры древних греков; если цитировать поэму С.С. Боброва, он

Был знатный плод их хитрых рук
И корень их цветущей славы [24. С. 160].

И хотя на первых порах точная локализация древнего города вызвала множество вопросов [22. С. 118–120; 25. С. 243], Херсонес воспринимался как некая «античная автономия», ценность которой виделась сопоставимой с ценностью всех других крымских приобретений. И объяснимо, что Херсонес порою фигурировал в литературных текстах «на равных правах» с Таврией, скажем, в державинской оде «На приобретение Крыма» (1784):

Россия наложила руку
На Тавр, Кавказ и Херсонес [26. С. 185].

Миф о Херсонесе формировал завышенные ожидания от встречи с Херсонесом реальным. Эти ожидания не могли оправдаться уже потому, что известные сегодня руины Херсонеса – это остатки не античного, а средневекового города, построенного, если можно так выразиться, на античном фундаменте. Античные артефакты оказались погребены в культурном слое, который дождался археологов. Ровно то же можно сказать о большинстве крымских древностей, и именно поэтому античные памятники не стали привлекательным объектом для посещения во время путешествия Екатерины II в Крым: руины Херсонеса она осмотрела лишь с моря [27. С. 83], а «мрачная картина» остатков Феодосии наваяло на нее «порывы грусти» [28. С. 222].

П.С. Паллас, безусловно, искал следы древней истории, но находил их в меньшем количестве, чем того требовал искренний исследовательский энтузиазм. Античные следы оказывались столь нечеткими, что, несмотря на широту познаний, П.С. Паллас ошибся, скажем, с локализацией Пантикапея [12. С. 48]. В Херсонесе он встречал в основном средневековые памятники, и отсутствие античных артефактов легче всего было объяснить разрушениями, причиненными строителями Севастополя.

Однако была и еще одна причина, побуждавшая Палласа говорить об опасности для руин Херсонеса.

Как было отмечено, добыча камня в Херсонесе в промышленном масштабе не имела целесообразности, однако заметим, что при этом она могла представлять интерес для кустарного строительства. Синхронно с возведением официальных строений в Севастополе начали

возводиться и частные дома для служащих, отставных офицеров и купцов. В качестве строителей зачастую выступали матросы – «за очень скромную добавочную плату» [18. С. 106]. С учетом скромных матросских запросов, заказчику строительства дешевле было заплатить за найденный матросами разнокалиберный камень, нежели заказывать первоклассные материалы в каменоломнях.

Словом, если был пригодный к делу камень, обязательно должны были появиться люди, этим камнем промышляющие. В этом отношении особую ценность имеет свидетельство автора первого «литературного путешествия» в Крым П.И. Сумарокова, который, в отличие от других путешественников, зафиксировал процесс вывоза камня с территории Херсонеса. «Валяются отколотые мраморные куски, – писал П.И. Сумароков в 1799 г., – сросшиеся с раковинками камня, которых тут такое множество, что по гудам их с трудом проходить возможно, и которые разьежающими фурами беспрепятственно перевозятся в Ахтиар (Севастополь. – В.О.)» [29. С. 126]. Из этого наблюдения можно заключить, что, во-первых, в самом конце XVIII в. на территории Херсонеса еще оставался значительный запас разрозненного камня, а во-вторых, что добыча камня велась частниками, поскольку строительные материалы для казенных зданий доставлялись бы в город по морю.

Увиденное заставило П.И. Сумарокова сделать умозрительный вывод, что в Севастополе «всякое построение до последнего камня произведено из материалов херсонисских» [29. С. 127]. Очевидно, что автор не имел возможности, определить происхождение камня, использованного для строительства всех севастопольских домов, однако обобщенная и мифологизированная оценка («всякое построение до последнего камня произведено из материалов херсонисских») внедрялась в читательское сознание тем более прочно, что П.И. Сумароков почти дословно повторил его в следующей своей книге о Крыме [30. С. 193]. Это обобщение кочевало по дальнейшим текстам и обрастало выразительными деталями. Обратимся, например, к книге, опубликованной без подписи почти через полвека после путешествия П.И. Сумарокова, – «Десятидневная поездка на Южный берег Крыма» [31]. Автор, едва оказавшись в Херсонесе, заявляет: «Противно слышать, что севастопольские жители доразрушали пощаженное покуда временем и перетаскивали отсюда, для

устройства своих домов, материалы, выделанные за тысячелетие назад. И теперь в Севастополе – как говорят – многие дома заставляют чваниться своих хозяев великолепными мраморными балконами и фронтонами с древними эллинскими надписями и мифологическими изваяниями, украшавшими некогда храмы, благоговейно уважавшиеся жившими тысячу лет тому назад!» [31. С. 28–29] Постепенно нарастающий к концу фразы пафос и полное отсутствие ответственного историзма говорят о литературности процитированного фрагмента. Обратим внимание, что автор сам указывает на слухи как на источник информации и, естественно, при дальнейшем описании Севастополя не указывает ни единого «мраморного балкона и фронтона», изготовленного из херсонесских древностей. И причина, думается, не в отсутствии наблюдательности, а в несоответствии литературно-мифологического знания объективной реальности.

Многие показания об использовании в частных стройках херсонесских материалов следует признать преувеличенными. Хотя сам факт такого использования сомнений не вызывает. Речь идет не о системном изъятии камня из развалин, а о стихийной его добыче, масштаб которой не поддается точному учету.

Думается, преувеличения П.С. Палласа можно объяснить именно осознанием такой стихийной угрозы для древнего памятника. Это понятно: повреждение научного предмета воспринимается ученым гораздо болезненнее, нежели сторонним от науки человеком. Фрагмент, написанный П.С. Палласом о разрушении остатков Херсонеса, был не столько исторической констатацией, сколько сигналом тревоги, призывающим принять меры к сохранению городища. Этот сигнал ретранслировался многими позднейшими текстами исследователей, путешественников и литераторов – и в связи с Херсонесом, и в связи с иными крымскими древностями (скажем, в Керчи и Феодосии) – и в конечном итоге выполнил свою функцию: с 1805 г. посредством высочайших указов начало формироваться законодательство по охране исторического наследия. Процесс этот оказался долгим и тернистым, однако спусковым механизмом для него послужила тревога ученых именно за крымские древности [22. С. 213], тревога, которая из чисто научного дискурса оказалась быстро воспринята областью литературы начала XIX в.

Впрочем, эпоха романтизма повела научный и литературный тексты о Крыме разными путями. Если наука совершенствовала методологию поиска, интерпретации и сохранения античных артефактов, то литература стремилась к воссозданию античности в мифологических образах. Изящную словесность начинали интересовать уже не сами древности, а рождаемые ими мифологические ассоциации. Изменение литературного вектора очень четко подмечено А.С. Пушкиным в известном «Отрывке из письма к Д.», напечатанном в «Северных цветах на 1826 год», а с 1830 г. публиковавшемся как приложение к «Бахчисарайскому фонтану».

Это был своеобразный отклик на книгу И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году». Как известно, Муравьев-Апостол путешествовал по Крыму одновременно с Пушкиным (осень 1820 г.) и посетил те же места, однако «литературный результат» поездки оказался качественно иным: Муравьев-Апостол создал произведение, ориентированное на фактографичность и документальность, что говорило о радикально ином литературном восприятии Крыма, нежели у автора «Бахчисарайского фонтана». Констатация этого контраста декларировалась Пушкиным в письме к А.А. Дельвигу от середины декабря 1824 г. – первой половины декабря 1825 г.: «Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений» [32. С. 250].

Эти строки не были включены в опубликованный «Отрывок из письма к Д.» (фрагмент процитированного письма к А.А. Дельвигу), однако сам «Отрывок...» целиком рассчитан на то, чтобы подчеркнуть различие писательских впечатлений. Скрупулезному вниманию Муравьева-Апостола к археологическим памятникам противопоставлено подчеркнутое отсутствие «исторических интересов» у Пушкина: «Я тотчас отправился на так названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение» [33. С. 280]. После этого трудно ожидать от автора «Отрывка из письма к Д.», чтобы он, подобно Муравьеву-Апостолу, заинтересовался вопросом о строительстве «хуторов и казарм севастопольских» «из стен и башен Херсона» [4. С. 361].

«Семантическим центром» «Отрывка из письма к Д.», как справедливо отмечает О.А. Проскурин [34. С. 371], стал эпизод, посвященный «баснословным развалинам храма Дианы» на мысе Фиолент близ Георгиевского монастыря. Именно это место заставляет лирического героя «Отрывка из письма к Д.» «думать стихами»:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымилась жертвоприношенья <...> [33. С. 281].

Упоминание о «холодных сомненьях» обычно вписывалось литературоведением в контекст всё той же полемики Пушкина с книгой Муравьева-Апостола, где оспаривается версия о расположении храма Артемиды в Крыму. Однако А.Ю. Балакин убедительно доказывает, что с большей вероятностью фразу о «холодных сомненьях» следует отнести к известному одесскому знатоку древностей И.П. Море де Бларамбергу, с которым Пушкин общался в Одессе и который также не готов был согласиться с локализацией бывшего храма Артемиды в районе Фиолента [35. С. 27–29]. Это, в свою очередь, расширяет значение «Отрывка из письма к Д.», поскольку заставляет видеть в нем не столько прямой отклик на конкретный текст – книгу Муравьева-Апостола, сколько декларацию литературной позиции в отношении научно-исторического текста как такового. И это лишний раз подтверждает, что пушкинская фраза из «Отрывка» «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических» [33. С. 281] должна читаться как манифестация принципа, определяющего литературную тенденцию.

Так или иначе, но именно пушкинский взгляд на Тавриду определяет на многие годы вперед традицию литературных отражений Крыма [36], «литературная реальность оказывалась важнее, чем историческая данность» [37. С. 33]. Метафорически выражаясь, литераторы, посещая полуостров, теперь смотрели на него глазами А.С. Пушкина, а не П.С. Палласа.

Романтическое восприятие Крыма, безусловно, корректировалось «реальными личными впечатлениями» литераторов [38. С. 258], но в соевой основе оно было «пушкинским». Так, в 1834 г. Крым посещает И.П. Бороздна. По точному замечанию М.В. Строганова, это «па-

ломничество приобретает вид поэтической экскурсии» [36. С. 83] по следам Пушкина, впечатления от которой отразились в «Поэтических очерках Украины, Одессы и Крыма» (1837) [39. С. 126–137]. «Поэтические очерки...» Бороздны выполнены в форме поэтических дружеских посланий, в соответствии с читательским запросом той поры, когда в авторе хотели видеть «не учителя и руководителя, а умного и знающего, без педантизма, собеседника, предоставлявшего новую пищу для чувств и размышлений» [40. С. 87]. В то же время «Поэтические очерки» близки к жанру описательной поэмы [36. С. 81], что предполагает отражение подлинных объектов и впечатлений. Но в том и дело, что подлинные впечатления автора диктовались пушкинской традицией. И потому, посетив Херсонес, Бороздна обозревает древние руины:

Одни лишь груды камней ныне
Разбросаны по всей равнине,
Где славный город процветал
И чужеземцев привлекал! [41. С. 119].

Однако это рождает у поэта ассоциации с легендарной эпохой князя Владимира, а вовсе не размышления о современной судьбе руин. Далее Бороздна посещает заброшенный монастырь св. Климента в Инкермане близ Севастополя, но вместо разъяснения причин, приведших к запустению древней обители, записывает четверостишие, по существу, формулирующее в стихотворной форме мысль Пушкина «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических»:

Такой вопрос решить бы мог
Всеведущий археолог;
Тернистая ж задача эта –
Не дело странника-поэта! [41. С. 120].

Итак, русская изящная словесность постепенно «забывала» палласовский миф о разрушении Херсонеса строителями Севастополя. Но это не означало полного исчезновения мифа. Во-первых, тема продолжала бытовать в научной литературе и публицистике (вспомним хотя бы известную статью И.А. Стемповского в «Отечественных записках» о крымских древностях [42]). Во-вторых, этот миф оказался востребован зарубежной словесностью.

Так, в 1800 г. Крым посетил английский путешественник Эдвард Кларк. Свои путевые записки, ставшие «одним из самых цитируемых описаний Крыма на рубеже XVIII–XIX вв.» [43. С. 470], он превратил в откровенно антироссийский памфлет, где важное место занял миф о разрушении Херсонеса и в котором рассказывалось, как русские в погоне за строительным камнем взорвали даже фундаменты укреплений [8. С. 2], что следует признать откровенной «гиперболой» [22. С. 110–111].

Еще один пример. Французский геолог Ксавье Омер де Гелль в 1843–1845 гг. опубликовал в Париже трехтомный труд, составленный на основании своих путешествий по России, – «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия». Собственно научным был лишь третий том, тогда как первые два имели значительную литературную (в предисловии сказано – «живописную») «часть», созданную в сотрудничестве с поэтессой Аделью Омер де Гелль. Читаем о Херсонесе: «Сегодня от былого величия сохранились лишь груды камней без имен и характера и, странная вещь: народ, довершивший уничтожение того, что пощадили варварские нашествия и владычество мусульман, – это тот самый народ, который в Херсоне в 988 году посредством крещения князя Владимира приобщился к христианству. Когда русские оказались в Крыму, еще стояли значительные строения <...>. Но московитский вандализм вынес скорый приговор этим драгоценным развалинам. Когда приняли решение строить Севастополь, карантин расположился на месте гераклеяского города, и после этого были разрушены и вывезены камень по камню все сохранявшиеся еще остатки этих памятников» [44. Р. 378–379]. Ясно, что автор попросту не мог наблюдать событий конца XVIII в., поскольку приезжал в Крым в 1840 и 1841 гг. Мы имеем дело с пересказом палласовского мифа, «украшенным» рассуждениями о пресловутом «московитском варварстве».

Мотивы, побудившие европейских авторов обратиться к мифу о разрушении севастопольцами Херсонеса, прозрачны. Э. Кларк вуалировал «показной заботой о судьбе крымских древностей желание вывезти на родину ценные артефакты» [43. С. 478]. К. Омер де Гелль пытался вписать свой труд в актуальный контекст русско-французского политического противостояния [45. С. 126–160], что гарантировало определенные карьерные выгоды [22. С. 237–252]. То

есть миф о разрушении Херсонеса легко служил личным и политическим целям.

Итак, история функционирования палласовского мифа имела весьма причудливую траекторию: являясь производной научного дискурса, он был призван послужить сбережению археологических памятников Крыма; затем, с сохранением той же функции, он вошел на время в сферу русской литературы, но одновременно же он был заимствован зарубежными авторами, которые в ряде случаев произвольно перенаправили функцию мифа. Это лишний раз убеждает, что результаты мифологизации реальности могут быть объяснены и описаны, но вряд ли могут быть полностью контролируемы.

Литература

1. *Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris : Librairie de Gide, 1843. Vol. VI. 461 p.
2. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах. М. : Наука, 1999. 246 с.
3. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского : в 12 т. СПб. : Воен. тип. главного штаба, [1816]. Т. 1. 510 с.
4. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П.И. Сумароков, И.М. Муравьев-Апостол. Великий Новгород ; Симферополь ; Н. Новгород : Растр, 2016. 507 с.
5. *Lettres sur la Crimée, Odessa et la mer d'Azof.* Moscou : Imprimerie de N.S. Vsevoljsky, 1810. 290 p.
6. *Кёппен П.И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб. : ИАН, 1837. 409 с.
7. *Мансветов И.Д.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М. : Севастопольск. отд. на Политехн. выставке, 1872. 97 с.
8. *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса // *Материалы по археологии России.* СПб., 1893. № 12. С. 1–9.
9. *Романчук А.И.* Возвращение к старой теме, или Начальный период исследования Херсонеса // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 35. С. 242–254.
10. *Шаманаев А.В.* О некоторых вопросах истории изучения Херсонеса // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 37. С. 363–375.
11. *Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Из истории древнего земледелия в Крыму // *Херсонесский сборник.* Симферополь : Крымиздат, 1961. Вып. 6. С. 5–247.

12. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб. : Наука, 2002. 676 с.

13. Е<вгений Болховитинов>. О следах греческого города Херсона, донные видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. Ч. IX. № XXII. С. 156.

14. Зедгендзе А.А. «Ученые путешествия» конца XVIII – начала XIX в. и исследование Херсонеса Таврического // Знание. Понимание. Умение. 2014. Вып. 1. С. 205–213.

15. Броневский М. Описание Крыма (Tartariae descriptio) Мартына Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6. С. 333–367.

16. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь : Доля, 2008. 272 с.

17. Давыдов Ю.В. Сенявин. М. : Молодая гвардия, 1972. 251 с.

18. Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. СПб. : Издание Севастопольского отдела на Политехнической выставке, 1872. 260 с.

19. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев : Стилюс, 2011. 414 с.

20. Дьяконова И.А. Екатерининский дворец // Исторические улицы и памятники Севастополя. Симферополь : Таврия, 1996. С. 11–12.

21. Гончаров В. Адмирал Сенявин. Биографический очерк с приложением записок адмирала Д.Н. Сенявина. М. ; Л. : Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1945. 142 с.

22. Орехов В.В. В лабиринте крымского мифа. Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2017. 579 с.

23. Люсый А.П. Ошибочная медиализация. Еще одна заявка на «Крымский текст»? // Вопросы культурологии. 2011. № 3. С. 102–104.

24. Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида : в 2 т. М. : Наука, 2008. Т. 2. 622 с.

25. Храпунов Н.И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Российская империя и Крым. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2020. С. 241–258.

26. Державин Г.Р. Сочинения : [в 9 т.] / с объясн. примеч. Я. Грота. СПб. : В тип. Имп. акад. наук, 1864. Т. 1, ч. 1. 812 с.

27. Шаманаев А.В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 (Гуманитарные науки). 2014. № 3 (130). С. 79–89.

28. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в Царствование Екатерины II (1785–1789). СПб. : Тип-я В.Н. Майкова, 1865. 386 с.

29. Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. 208 с.

30. *Сумароков П.И.* Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб. : Императорская типография, 1803. Ч. I. 226 с.
31. Десятидневная поездка на Южный берег Крыма. Одесса : Тип. Т. Неймана и К, 1848. 70 с.
32. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : в 17 т. М. : Воскресенье, 1994–1997. Т. 13. 684 с.
33. *Пушкин А.С.* Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962. Т. 7. 462 с.
34. *Проскурин О.А.* «Отрывок из письма [к Д.]» А.С. Пушкина: адресат, функция, датировка // Литературный факт. 2019. № 12. С. 348–383.
35. *Балакин А.Ю.* А.С. Пушкин и книга И.М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» // Русская литература. 2017. № 2. С. 19–30.
36. *Строганов М.В.* «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (И не только Пушкин) // Крымский текст в русской культуре : материалы междунар. науч. конф. СПб. : [Б. и.], 2008. С. 72–89.
37. *Кошелев В.А.* Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки. Великий Новгород ; Симферополь ; Нижний Новгород : Растр, 2015. 303 с.
38. *Орехова Л.А.* «Бахчисарайский фонтан» А.С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Вып. 1. С. 258–265.
39. *Шеремет А.С.* Творческий путь И.П. Бороздны: индивидуальность в контексте литературных традиций : дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2015. 234 с.
40. *Киселев В.С.* Типология литературных метатекстов // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 23 (Март). С. 78–107.
41. *Бороздна И.П.* Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к графу В.П. З...му. М. : Тип-я С.И. Селивановского, 1837. 248 с.
42. *Стемковский И.А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. 1827. Ч. 29. № 81. С. 40–72.
43. *Храпунов Н.И.* Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь : Антиква, 2019. Вып. XXIV. С. 470–510.
44. *Hommage de Hell X., [Hommage de Hell A.]* Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Paris : Bertrand, 1843–1845. Vol. 2. 598 p.
45. *Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 333 с.

The Myth of the Chersonesus Destruction: An Episode of the Literary Development of Crimea

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 194–213. DOI: 10.17223/24099554/15/12

Vladimir V. Orekhov, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: v-orehov@mail.ru

Keywords: travel literature, myth, imagology, Crimean text, ancient world.

In travel literature of the 19th century (P.I. Sumarokov, V.B. Bronevsky, I.M. Muraviev-Apostol, E.D. Clark, F. Dubois de Montpere, K. Omer de Gell and others), there was a legend that ancient Chersonesus was destroyed to extract building materials for the construction of Sevastopol. The objective data analysis shows that it is a literary myth that originates from the work of P.S. Pallas “Observations Made During Traveling Over Southern Provinces of the Russian State in 1793–1794” (1799–1801). The scholar argued that the “destruction” of Chersonesus was a consequence of the active construction of Sevastopol in the 1780s–1790s. In 1818, P.S. Pallas’s viewpoint was supported by N.M. Karamzin, whose *History of the Russian State* tells (with reference to P.S. Pallas) that Chersonesus was destroyed “to take stones to construct houses in Sevastopol”. Since then, this version of the events has become a commonplace in almost any text about Chersonesus. At the same time, some European authors (E.D. Clark, K. Omer de Gell) used this “common place” as an instrument of political propaganda. It has been documented that only four objects of modest scale were built out of Chersonesus stone in 1783: a chapel, a smithy, a pier and an admiral’s house. Then, they started to produce building materials in F.F. Mekenzi’s estate and in the Inkerman quarries, which made the industrial extraction of stone in Chersonesus impractical. Why did the experience of the first city constructions entail such generalizing conclusions in P.S. Pallas’s book? The reconstruction of the historical situation allows to single out two main reasons. That time Crimea was considered a fragment of classical antiquity acquired by Russia. The remains of ancient constructions became the primary object of literary and research interests. However, the first travelers were deceived in their expectations, since in Crimea they mostly found medieval monuments erected on the site of ancient ones. Modern archaeologists know that in the 6th – 7th centuries ancient Chersonesus was completely rebuilt, which explains the scantiness of ancient traces. However, in the era of P.S. Pallas, it was easier to explain the absence of antique artifacts by the destruction caused by those who built Sevastopol. Yet there was another reason. Sevastopol quickly became the most populous city on the peninsula. This led to spontaneous development and unauthorized extraction of building materials, including the territory of Chersonesus. It was impossible to tackle the problem of protecting ancient monument at the level of local initiatives and funds. The exaggerations found in P.S. Pallas’s writing can be explained by the awareness of the spontaneous threat to the ruins of the ancient polis. A small fragment of the text written by P.S. Pallas about the destruction of Chersonesus was rather a signal of alarm calling for measures to preserve the settlement, than a strictly

historical statement. This signal, relayed by many literary texts, eventually caused the required reaction – Chersonesus became an object of historical heritage protection. However, at the same time, P.S. Pallas's text turned into a mythologeme, firmly entrenched in literary ideas about the history of Chersonesus and Sevastopol.

References

1. Dubois de Montpéroux, F. (1843) *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. 6. Paris: Librairie de Gide.
2. Pallas, P.S. (1999) *Nablyudeniya, sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations Made During Traveling Over Southern Provinces of the Russian State in 1793–1794]. Moscow: Nauka.
3. Karamzin, N.M. (1816) *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo: V 12 t.* [History of the Russian State: in 12 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Voen. tip-ya glavnogo shtaba.
4. Sumarokov, P.I. & Muraviev-Apostol, I.M. (2016) *Sentimental'nyye puteshestviya v Tavridu* [Sentimental travels to Taurica]. Velikiy Novgorod; Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr.
5. Anon. (1810) *Lettres sur la Crimée, Odessa et la mer d'Azof*. Moscow: Imprimerie de N.S. Vsevolj'sky.
6. Köppen, P.I. (1837) *O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh* [On the antiquities of the southern coast of Crimea and the Tauride mountains]. St. Petersburg: IAS.
7. Mansvetov, I.D. (1872) *Istoricheskoe opisanie drevnego Khersonesa i otkrytykh v nem pamyatnikov* [Historical description of the ancient Chersonesus and its monuments]. Moscow: Sevastopol'sk. otd. na Politekhn. Vystavke.
8. Berthier-Delagard, A.L. (1893) *Drevnosti yuzhnoy Rossii. Raskopki Khersonesa* [Antiquities of southern Russia. Excavations of Chersonesus]. *Materialy po arkheologii Rossii*. 12. pp. 1–9.
9. Romanchuk, A.I. (2004) *Vozvrashchenie k staroy teme, ili Nachal'nyy period is-sledovaniya Khersonesa* [Back to the old theme, or the initial period of the study of Chersonesus]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 35. pp. 242–254.
10. Shamanaev, A.V. (2006) *O nekotorykh voprosakh istorii izucheniya Khersonesa* [On some questions of the history of the study of Chersonesus]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 37. pp. 363–375.
11. Strzheletskiy, S.F. (1961) *Klery Khersonesa Tavricheskogo. Iz istorii drevnego zemledeliya v Krymu* [Clare of Tauric Chersonesus. From the history of ancient agriculture in the Crimea]. *Khersonesskiy sbornik*. 6. pp. 5–247.
12. Tunkina, I.V. (2002) *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science about the classical antiquities of the south of Russia (the 18th – mid 19th century)]. St. Petersburg: Nauka.

13. Bolkhovitinov, E. (1822) O sledakh grecheskogo goroda Khersona, donyne vidimykh v Krymu [On the traces of the Greek city of Cherson, still visible in the Crimea]. *Otechestvennye zapiski*. 9(22). pp. 156.

14. Zedgenidze, A.A. (2014) Academic Travels” of the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries and the Study of Chersonesos Taurike. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 205–213. (In Russian).

15. Bronevsky, M. (1867) Opisanie Kryma (Tartariae descriptio) Martyna Bronevskogo [Description of the Crimea (Tartariae descriptio) by Martyn Bronevsky]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 6. pp. 333–367.

16. Chelebi, E. (2008) *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Travel book. Crimea and adjacent regions. (Extract from the work of a Turkish traveler of the 17th century)]. Simferopol: Dolya.

17. Davydov, Yu.V. (1972) *Senyavin*. Moscow: Molodaya gvardiya.

18. Golovachev, V.F. (1872) *Istoriya Sevastopolya kak russkogo porta* [The history of Sevastopol as a Russian port]. St. Petersburg: Sevastopol department at the Polytechnic exhibition.

19. Montandon, Sh. (2011) *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashenny kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyy vvedeniem o raznykh sposobakh perezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways of moving from Odessa to Crimea]. Kyiv: Stilos.

20. Dyakonova, I.A. (1996) Ekaterininskiy dvorets [The Catherine Palace]. In: Krestyannikov, V.V. (ed.) *Istoricheskie ulitsy i pamyatniki Sevastopolya* [Historical streets and monuments of Sevastopol]. Simferopol: Tavriya. pp. 11–12.

21. Goncharov, V. (1945) *Admiral Senyavin. Biograficheskiy ocherk s prilozheniem zapisok admirala D. N. Senyavina* [Admiral Senyavin. A biographical sketch with the attachment of the notes of Admiral D.N. Senyavin]. Moscow; Lenin-grad: USSR People's Commissariat of the Navy.

22. Orekhov, V.V. (2017) *V labirinte krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol; Nizhniy Nov-gorod: Rastr.

23. Lyusy, A.P. (2011) Oshibochnaya medializatsiya. Eshche odna zayavka na “Krymskiy tekst”? [Erroneous medialization. Another application for “Crimean Text”?]. *Voprosy kul'turologii*. 3. pp. 102–104.

24. Bobrov, S.S. (2008) *Rassvet polnochi. Khersonida: v 2 t.* [The Dawn of Midnight. Chersonida]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

25. Khrapunov, N.I. (2020) Krymskie drevnosti glazami zapadnoevropeyskikh pute-shestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. [Crimean antiquities through the eyes of Western European travelers of the late 18th – early 19th centuries]. In: Khrapunov, N.I. et al. *Rossiyskaya imperiya i Krym* [Russian Empire and Crimea]. Simferopol: Crimea Federal University. pp. 241–258.

26. Derzhavin, G.R. (1864) *Sochineniya: [v 9 t.]* [Works: [in 9 vols.]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

27. Shamanaev, A.V. (2014) Catherine II's and Alexander I's Journeys to Crimea as a Factor in the Establishment of the System of North Black Sea Region Historic Preservation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2 (Gumanitarnye nauki) – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 3 (130). pp. 79–89. (In Russian).
28. Segur, L.-F. (1865) *Zapiski grafa Segyura o prebyvanii ego v Rossii v Tsarstvovanie Ekateriny II (1785–1789)* [Notes of Count Segur on his stay in Russia during the reign of Catherine II (1785–1789)]. St. Petersburg: V.N. Maykov.
29. Sumarokov, P.I. (2012) *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu* [A Journey throughout Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol: Biznes-Inform.
30. Sumarokov, P.I. (1803) *Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavidu* [Leisure of the Crimean judge, or the Second trip to Taurica]. St. Petersburg: Imperial Printing House.
31. Anon. (1848) *Desyatidnevnyaya poezdka na Yuzhnyy bereg Kryma* [A ten-day trip to the southern coast of Crimea]. Odessa: T. Neyman i K.
32. Pushkin, A.S. (1994–1997) *Polnoe sobranie sochineniy: V 17-ti t.* [Complete Works: In 17 vols]. Vol. 13. Moscow: Voskresen'ye.
33. Pushkin, A.S. (1959–1962) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 7. Moscow: GIKhL.
34. Proskurin, O.A. (2019) “Otryvok iz pis'ma [k D.]” A.S. Pushkina: adresat, funktsiya, datirovka [“An excerpt from a letter [to D.]” by A. Pushkin: addressee, function, dating]. *Literaturnyy fakt.* 12. pp. 348–383.
35. Balakin, A.Yu. (2017) A.S. Pushkin i kniga I.M. Murav'eva-Apostola “Puteshestvie po Tavride v 1820 gode” [A.S. Pushkin and the book by I.M. Muravyov-Apostol “Traveling in Taurica in 1820”]. *Russkaya literatura.* 2. pp. 19–30.
36. Stroganov, M.V. (2008) “Mifologicheskie predaniya schastlivee dlya menya vospominaniy istoricheskikh...” (I ne tol'ko Pushkin) [“Mythological legends are happier for me than historical memories...” (And not only Pushkin)]. In: Buks, N. & Virolaynen, M.N. (eds) *Krymskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Crimean Text in Russian Culture]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 72–89.
37. Koshelev, V.A. (2015) *Tavrisheskaya mifologiya Pushkina: Literaturno-istoricheskie ocherki* [Pushkin's Tauride Mythology: Literary and Historical Essays]. Velikiy Novgorod; Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr.
38. Orekhova, L.A. (2015) “The Fountain of Bakhchisarai” by A. S. Pushkin in the literature of travelling around the Crimea: problems of interpretation. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye nauki”.* 1. pp. 258–265. (In Russian).
39. Sheremet, A.S. (2015) *Tvorcheskiy put' I.P. Borozdny: individual'nost' v kontekste literaturnykh traditsiy* [I.P. Borozdna's creative path: an individuality in the context of literary traditions]. Philology Cand. Diss. Simferopol.
40. Kiselev, V.S. (2004) Tipologiya literaturnykh metatekstov [Typology of literary metatext]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Byulleten' operativnoy nauchnoy informatsii.* 23. pp. 78–107.

41. Borozdna, I.P. (1837) *Poeticheskie ocherki Ukrainy, Odessy i Kryma. Pis'ma v stikhakh k grafu V. P. Z...mu* [Poetic sketches of Ukraine, Odessa and Crimea. Letters in verse to Count V.P. Z...mu]. Moscow: S.I. Selivanovsky.

42. Stempkovskiy, I.A. (1827) *Mysli otноситel'no izyskaniya drevnostey v Novo-rossiyskom krae* [Thoughts on the search for antiquities in the Novo-Russian region]. *Otechestvennye zapiski*. 29(81). pp. 40–72.

43. Khrapunov, N.I. (2019) *Krymskie pis'ma Edvarda-Dan'ela Klarka* [Crimean letters of Edward-Daniel Clark]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. 24. pp. 470–510.

44. Hommaire de Hell, X. & [Hommaire de Hell, A.] (1843–1845) *Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale*. Vol. 2. Paris: Bertrand.

45. Tanshina, N.P. (2018) *Samoderzhavie i liberalizm: epokha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and Liberalism: the Era of Nicholas I and Louis-Philippe Orleans]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.